

Павел Бажов

Жабреев ходок

ФТМ

Павел Петрович Бажов
Жабреев ходок
Серия «Малахитовая шкатулка.
Уральские сказы», книга 15

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168185
П.П.Бажов Малахитовая шкатулка: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 978-5-4467-0873-4*

Аннотация

«В Косом-то Броду, на котором месте школа стоит, пустырь был. Пустополье большенькое, у всех на виду, а не зарились. Нагорье, видишь. Огород тут разводить хлопотно, – поту много, а толку мало. Ну, люди и обегали. Всяк выбирал себе полегче да посподручнее.

А раньше-то, рассказывают, тут жилье было. Так стрень-брень избушечка, на два оконца, передом напрочапилась, ровно собралась вперевертышки под гору скакать. Огородишко тоже, банешка. Одним словом, обзаведенье. Не от силы завидное, а на примете у людей было. По всей округе эту избушку знали...»

Павел Петрович Бажов

Жабреев ходок

Объяснение отдельных слов, понятий и выражений,
встречающихся в сказах

В Косом-то Броду, на котором месте школа стоит, пустырь был. Пустополье большенькое, у всех на виду, а не зарились. Нагорье, видишь. Огород тут разводить хлопотно, – поту много, а толку мало. Ну, люди и обегали. Всяк выбирал себе полегче да посподручнее.

А раньше-то, рассказывают, тут жилье было. Так стрень-брень избушечка, на два оконца, передом напрочапилась, ровно собралась вперевертышки под гору скакать. Огородишко тоже, банешка. Одним словом, обзаведенье. Не от силы завидное, а на примете у людей было. По всей округе эту избушку знали.

Жил тут старатель один, Никита Жабрей прозывался. Мужик в годах. Как говорится, детинка с сединой. Молодым впору такого дедком звать, а еще в полной силе. На работе редкий против него выдюжит. Из себя был старик видный, только такой молчун, будто вовсе говорить не умеет, и характером – не задень. Никого близко к себе не подпускал. Недаром, видно, его Жабреем звали.

Этот Жабрей в одиночку больше старался, места новые

искал и, случалось, находил. Придет тогда в деревню и сам скажет:

– Вот, мужики, там-то попадать золотишко стало.

И, верно, стараться можно. Когда и вовсе ладно. Только за Жабреем еще одну тайность знали. Не один раз он при больших деньгах бывал. Никто, понятно, не видал, откуда те деньги Никите приходили, а по народу разговор шел, что он тайным купцам по золотому делу самородки сдавал. И будто все самородки на одну стать: как лапоточки, ростом махонькие, а веские. И то еще диво – как по ступенькам на прибыль шли: сперва были по фунтику, потом больше да больше, а стать одна – лапоток!

Тайные купцы, да и старатели тоже сильно охотились подглядеть, в каком месте Жабрей такие лапоточки добывает, да толку не выходило. Никита, видишь, знал, что за ним досматривают, и свою сноровку имел. Водит-водит за собой этих доглядчиков, а как темно станет – он в лес. Найди-ко, в какое место за ночь он по лесу уберется.

К Жабреевой жене подсыл делали, а тоже зря. Жабрейха, видишь, как раз мужу под стать. Старуха, прямо сказать, колючая, без рукавиц к ней не подходи, и на разговор крутая. Кто без заделья придет, так она дальше порогу и в избу не пустит. Не успеет человек усы расправить да вымолвить:

– Здравствуй, бабушка!

А она его торопит:

– Еще что скажешь? По какому делу пришел?

Тот, понятно, курлыкает:

– Как, мол, живете-можете со старичком-то? Все ли по-хорошему?

– А так, – отвечает, – живем: в люди не ходим, к себе не зовем, а незваного по рылу помелом.

Поговори вот с такой!

Какие бабеночки с задельем подбегали, будто займы перехватить того-другого по хозяйству, с теми по-разному обходилась. Иной сразу отрежет:

– Не припасла про тебя, и напредки ко мне не ходи!

Другой без отказа даст что попросит. Мучки там, маслица, картошки либо еще чего и про отдачу никогда не спросит, а лишнего слова все равно не скажет. Только гостыюшка пристроится посудачить, Жабрейха таз да вехотку в руки и говорит:

– Беги-ко, Степаня, домой! Ребята ведь у тебя. Дела-то побольше моего. Я вон и то мыть собралась, а ты сидишь, будто от простой поры!

Так и жили Жабрей с Жабрейхой от людей на отшибе.

Случалось, конечно, Жабрею и в артелках стараться. Это когда он новое место укажет. С почтеньем его принимали. Работник без укору, не то что за двоих, за троих ворочает и по золоту знающий – кто такому откажет. Только не подолгу он на людях жил. Чуть что выйдет – сейчас в сторону. На артели, известно, мало ли бывает. Перекоры по работе пойдут, мошенство какое откроется, поучить, может, кого требуется,

а Жабрею это невперенос. Послушает, как народ загамит, да и выронит свое словечушко:

– Загудело, комарино болото! Слушай, кому охота, а мне не с руки!

Скажет так-то, плюнет, подхватит кайлу да лопатку, ковш да мешок за спину – и пошел. Коли получка есть, – и то не покажется.

Раз так-то ушел – и надолго. В живых его считать перестали, а он и объявился. По самой-то троицкой воде, как все ручейки на полную силу играют, выплыл.

Год тогда, сказывают, худой издался. С золотишком заминка вышла. Ну, старателям и вовсе не весело было. Большой праздник, а им и погулять не на что. Толкуют об этом, жалуются, смекают, к кому бы припаиться на стаканчик, да тут и увидели – по полевской дороге идет Жабрей, и все на нем новешенькое. Примета ясная – при деньгах он, и сейчас на всю деревню гулянка будет.

Так и вышло. Первым делом зашел Никита в кабак, сыпнул на стойку рублей и говорит целовальничихе:

– Цеди, Ульяна, всем допьяна! Пускай ни один комар не гудит, что Никита Жабрей свою долю в кошельке зажал, людям не показал. Гляди – вот она!

А сам сыплет да сыплет рубли.

Народ знал, что Никита начистоту гуляет, до последнего рубля и без покору, – живо со всей деревни сбежались. Иные, конечно, с простоты: почему-де не выпить, коли наливают,

а больше того с хитрости: про себя думают, не распояшется ли Жабрей, не проговорится ли о местечке, где золотые лапоточки плетут. Только Жабрей свою меру знал. Выпьет, сколько ему надо, сыпнет еще на стойку и накажет целовальничихе:

– Гляди, Ульяна, наливай безотказно. Мужикам простого, девкам, бабам – красненького. Кто сколько поднять может. Коли перепьют – доплачу, не допьют – твой барыш. С утра по другому расчету пойдет.

Целовальничиха рада-радехонька, на четыре стороны развертывается: одной рукой наливает, другой – рубли загребаёт, Жабрею кланяется: дескать, все сделано будет, а сама мужу шепчет:

– Гони-ко, Иван, на винокурню, вези хоть две бочки, а то не хватит.

Из кабака Жабрей по своему обычаю в лавку, а там его давно ждут. Торгаш тоже дошлый был. Деревнешка хоть маленькая, а на случай старательского фарту всегда в лавке дорогой товар был, из того числа, что деревенскому человеку вовсе ни к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.